УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (162). С. 94–97 **Филологические науки** **2017**

УДК 821.131.1.09“13”

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ЛУКЬЯНОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)
marlar38@yandex.ru

О ПРИНЦИПАХ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ ПЕТРАРКИ*

Русскому читателю до сих пор практически неизвестна философская проза Франческо Петрарки, написанная на латинском языке: перу итальянского гуманиста принадлежат шесть философских трактатов, несколько инвектив и огромное количество писем. Самым большим по объему сочинением является трактат «Средства против превратностей судьбы», проблемам перевода которого с латинского на русский язык и посвящена статья. Стиль произведения позволяет отнести это сочинение к художественной литературе, что требует от переводчика соответствующего отношения к своей работе: как к работе над переводом художественного текста, где одной из задач является сохранение колорита оригинала. При переводе иноязычного текста существуют определенные границы переводимости, и переводчик должен принимать во внимание, что одно и то же слово в разных языках может иметь иную эмоциональную насыщенность и вызывать иные ассоциации. В статье особое внимание автор и переводчик уделяет особенностям перевода синонимических рядов, игры слов, специфических синтаксических конструкций (гомеотелевт) и вопросам передачи латинских реалий.

Ключевые слова: Петрарка, перевод, философская проза

Русскому читателю Петрарка известен как поэт, оказавший большое влияние на развитие европейской лирической поэзии. Между тем основную часть его творчества составляют прозаические произведения, написанные на латинском языке: перу итальянского гуманиста принадлежат шесть философских трактатов, несколько инвектив и огромное количество писем. Самым большим по объему сочинением является трактат «Средства против превратностей судьбы», посвященный пармскому епископу Адзону Корреджо.

Трактат написан по образцу античных философских сочинений в форме диалогов (их 254) на самые разные темы: о войне и мире, о любви и красоте, о мудрости и религии, об учителях и учениках, о пирах и танцах, о благовониях и одежде, о драгоценных камнях, о болезнях и смерти и пр.

Сочинение делится на две книги: о счастливой судьбе и о несчастливой. Диалоги ведут между собой аллегорические фигуры: в первой книге – некий оптимист, обозначенный как Радость или Надежда, во второй – пессимист Печаль или Страх; им отвечает Разум, в уста которого автор вкладывает свои мысли. По жанру первая книга близка к инвективе, вторая – к утешениям в духе морально-этических сочинений Сенеки.

Казалось бы, жанр философского сочинения предполагает сухие рассуждения, между тем как трактат написан блестящим живым языком и отличается богатством лексики и необыкновенной образностью. Произведение насыщено тропами и стилистическими фигурами. В нем множество вставных новелл, исторических и бытовых анекдотов, сказок. Эта традиция идет из античности, и для Петрарки, знатока и почитателя классических римских писателей, совершенно естественно ориентировать свой стиль на любимых им авторов: Цицерона и Сенеку. Как отметил еще при жизни гуманиста Джованни Боккаччо, «Петрарка стал так старательно подражать философам-этикам, более всего Цицерону и славному Сенеке из Кордубы, что с полным основанием мог бы считаться одним из них» (здесь и далее перевод наш. – *Л. Л.*) [1: 395]. Свое пристрастие к Цицерону отметил и сам Петрарка: «Если кого-то упрекнут, что его стиль схож с цицероновским, станет ли он оправдываться?» [2: 62].

Употребление поэтических тропов придает стилю философского сочинения эмоциональную и экспрессивную насыщенность. Именно стиль позволяет отнести это сочинение к произведениям художественной литературы, поэтому переводчик должен подходить к своей работе, как к работе над переводом художественного текста, где одной из задач является сохранение колорита оригинала. Стиль трактата неоднороден, так как собеседники Разума являются разными лицами: перед нами предстают купец, ростовщик, понтифик, солдат, сельский хозяин, раб, молодой человек, старик, любитель лошадей и охоты, владелец замка, эстет, любующийся статуями и картинами, и множество других лиц. Кроме того, большое количество диалогов обращено вообще к любому человеку. Поэтому в одних диалогах мы наблюдаем черты просторечия, другие написаны возвышенным стилем, стиль третьих нейтрален, и переводчику следует стремиться передать не только смысловую точность, но, по возможности, и стилистические особенности

© Лукьянова Л. М., 2017

сочинения. Неадекватная передача стилистических средств может совершенно исказить дух произведения. Но при этом нужно понимать, что взятые в отдельности формальные элементы латинского языка не всегда совпадают с русским, и иногда приходится жертвовать буквальной точностью с тем, чтобы ясно донести до читателя смысл фразы.

Петрарка использует все богатство лексических средств латинского языка. В частности, он широко пользуется синонимами, учитывая, разумеется, их оттенки и градацию. Например, для понятия «страх» у него встречаются pavor, metus, timor, terror, horror, formīdo; «молчать» может быть выражено словами sileo, taceo, omitto, transeo, praetereo.

В большинстве случаев это не абсолютные синонимы, а контекстуальные. Примером может послужить употребление слов intellectus и ingenium, могущих иметь значение «разум», «смысл», «ум». Их присутствие в одном и том же абзаце свидетельствует о том, что это не абсолютные синонимы. Поэтому следует внимательнейшим образом вчитываться в контекст, принимать во внимание внутреннюю форму слова и при переводе передавать каждое из них по-разному. В данном случае речь идет об отличии человека от прочих живых существ, которых природа наделила различными средствами защиты (клыками, рогами, густой шерстью, быстротой ног), но только человеку она дала intellectus, и именно поэтому человек meditandoque ingenio «с помощью размышления и природного ума» может сам приобрести то, чего природа ему не дала (II, 93)[1].

Широко пользуется Петрарка полисемией латинских слов, возникшей в результате развития первоначального значения какого-либо слова. Особенно емким в этом отношении оказалось у него virtus. Произошло оно от vir «муж», «мужчина», и его первоначальное значение – «мужество», «доблесть». Например, virtus ducis «мужество полководца». В большинстве же случаев в трактате это слово означает «добродетель»; именно в этом значении оно является ключевым для всего сочинения; о чем бы ни шла речь – о красоте, силе, богатстве, удаче – автор уверен: без добродетели все это пустое. Один из диалогов так и называется «De virtute» – О добродетели. Именно в таком значении употреблено virtus в следующих случаях: Forma sine virtūte animi pondus est (I, 2) – *«Красота без добродетели – бремя для души»*; Senium virtus sola non metuit (II, 6) – *«Только добродетель не боится старости».* Помимо этих значений virtus можно понять и как «нравственное совершенство»: Summa patria laus virtus est civium (I, 15) – *«Высшая похвала отечеству – нравственное совершенство граждан»*; и как «добрые качества»: Divitiae auri et argenti virtūtum inopiam affere solent (I, 55) – *«Обилие золота и серебра обычно умаляет добрые качества»*; и как «сила»: Flatus volabilis sic exercet animum, solida quasi virtus in verbis sit (II, 102) – *«Мимолетное сотрясение воздуха так возбуждает душу, как будто в словах есть какая-то сила».*

Встречаются у Петрарки и такие случаи, когда возможно увидеть потенциальное значение слова, не предусмотренное словарем. Например, dux чаще всего означает «полководец», «вождь»; в сочетании duces armentorum оно имеет значение «вожаки табунов». Но когда слепой король Богемии Иоанн собрался вступить в битву, он обратился ad duces suos: Dirigite me in eam partem, ubi rex hostium est (II, 96). И в этом контексте duces это, конечно же, «поводыри»: *«Направьте меня в ту сторону, где находится вражеский король».*

В таком же значении выступает это слово и в диалоге:

– Caecus sum, nec, quo pergam, video. *«Я слеп, и не вижу, куда идти».*

– At dux tuus videt. *«Но видит твой поводырь».*

В подобном плане можно отметить и употребление слова convivium (в словаре даны значения «пир», «пиршество», «званый обед»), но в следующем контексте ни одно из этих значений не подходит: Suadeo non leprōsos horruisse seu fugisse, sed illōrum domos adisse atque conviviis interfuisse (II, 114) – *«Советую не страшиться прокаженных и не избегать их, но входить в их дома и принимать участие в их трапезах».* Думается, именно «трапеза» здесь уместна, хотя такого значения в словаре и нет.

Обратим внимание и на сочетание forma equi, которое лучше всего передать как «конская стать», хотя среди 28 значений, указанных в словаре, значения «стать» нет.

Естественно, что даже в самом полном словаре мы не найдем всех оттенков значений слов, поэтому переводчик должен принимать во внимание контекст каждого диалога. Думается, если разговор идет о вещах возвышенных, то иногда следует употребить при переводе славянизмы. Вот некоторые примеры. Когда речь идет о страхе смерти, автор говорит: Assuescite, o mortales, naturae legibus et ineluctabili jugo colla submittite (II, 117) – *«Свыкнитесь, о смертные, с законами природы и подставьте выи неотвратимому ярму».*

Или: Печаль. Infantis miseri corpusculum lupus in cavernam suam rapuit – *«Тельце несчастного младенца утащил волк в свою нору».* Разум. Felicis animum infantis in coelum angeli rapuere (II, 49) – *«А душу счастливого младенца восхитили ангелы на небеса».*

Medici animorum (II, 93) – *врачеватели душ.*

Non membra, sed animum quaerit Deus (II, 96) – *«Не члены (тела), но душу взыскует Бог».*

Sedes ultima caelum sit (II, 93) – *«Последним обиталищем пусть будет небо».*

Остановлюсь на некоторых моментах, вызывающих у переводчика определенные трудности.

Наиболее уязвимым уровнем является игра слов, которой весьма насыщены буквально все диалоги. Ее удается сохранить очень редко, чаще всего тогда, когда игра организована с помощью глагольных форм. Например: Multis mortem attulere divitiae, requiem fere omnibus abstulere – *«Многим богатства принесли смерть, а покой унесли почти у всех»*. Expectatum Drusum inexpectata mors abstulit – *«Ожидаемого Друза унесла неожиданная смерть»*. Melior sane tutiorque confessio, quam professio est – *«Конечно, лучше и безопаснее исповедовать (Бога), чем проповедовать»*.

В большинстве же случаев подобную игру слов передать невозможно именно из-за несовпадения формальных элементов латинского и русского языков: Illum celebrant seu amore seu errore – *«Они прославляют его то ли из-за любви, то ли по причине заблуждения»*. Plena arcula… dives aula (I, 90) – *«Полный сундук… богатый двор»*. Bona gratissima… mala gravissima (I, 21) – *«Приятнейшие блага… тягчайшие пороки»*. К сожалению, в переводе исчезает характеристика исторических лиц, если автор использует звукопись. Вот что он пишет об одном из самых одиозных римских императоров: …Commodum genuisset nulli commodum, cunctis incommodum (II, 131) – *«(Антонин Пий) породил Коммода, ни для кого не милого, неприятного для всех»*. В диалоге «О распутной жене» читаем: …seu quis tam fornix augustis meretricibus non angustus sit? (II, 21) – *«Что же, разве не тесен публичный дом для августейших блудниц?»*.

Далеко не всегда удается передать в переводе гомеотелевт («единоконечие», созвучие окончаний). Ille frugalitatem, atque sobrietatem paupertatem in Capitolio consecrabat (I, 42) – *«Он освятил на Капитолии благоразумие*, *умеренность и бедность»*. Невозможность сохранить созвучие окончаний совершенно уничтожает красоту такого великолепного пассажа: Saepe quidem legere potuerunt Plato philosophantem, Homerum poetantem, Tullium orantem, Caesarem triumphantem (I, 32) – *«Часто могли прочитать, что Платон философствовал, Гомер писал поэмы, Цицерон произносил речи, Цезарь совершал победные триумфы»*.

Часто приходится нарушать лаконизм латинской фразы, например, в таком случае, когда в тексте стоит один глагол, относящийся к разным существительным, а в русском языке нельзя использовать сочетание этого глагола с обоими существительными: Multos carcer ad coelum misit, ad sepulcrum omnes (II, 64) – *«Тюрьма многих вознесла до небес, а в могилу отправила всех»*. В диалоге о воинах, павших в битве при Филиппах, говорится, что они «campos Hemonios ferasque et vultures impinguarunt». Глагол *impinguo* означает *утучнять*. Прямое дополнение при нем *«поля, птицы и дикие звери»*; но если по отношению к полям этот глагол приемлем, то по отношению к птицам и диким зверям его употребить недопустимо, потому в данном случае приходится перевести этот глагол описательно, и на русском языке фраза выглядит так: *«Они утучнили Гемонийские поля и позволили разжиреть коршунам и диким зверям»*. Особенно удлиняется текст в том случае, если автор употребляет отсутствующее в русском языке причастие будущего времени, которое всегда переводится описательно. Например: Pugnaturi athletae bracchia… subituri onus cervix intenditur (II, 114) – *Напрягаются плечи атлета, собирающегося вступить в кулачный бой... напрягается шея того, кто подходит к грузу*. Смысл передан точно, но необходимость перевести один глагол четырьмя словами, мало того что лишает фразу краткости, но еще и нарушает ее ритм.

Бывают случаи, когда уместно намеренно уйти от более точного перевода; это происходит тогда, когда стилевые средства латинского языка не совпадают с русским. Встречаются такие выражения, которые у Петрарки были нейтральными или образными, но от частого употребления последующими авторами превратились в штампы, а в современном русском языке – в канцеляризмы. Их точный перевод в живом диалоге или в философском рассуждении, стилизованном под античное, выглядит чужеродным. Nec emendatio, nec poenitentia locum habet (II, 12) – дословно: *Не имеет места ни улучшение, ни раскаяние*; лучше *«нет места ни улучшению, ни раскаянию»*. Или «super memorata cupiditas divitiae» – *вышеупомянутая страсть к богатству*. Если во времена Петрарки это сочетание было нейтральным, то в русском языке оно давно стало принадлежностью канцелярского языка и в живом диалоге или в философском рассуждении, стилизованном под античное, выглядит в переводе чужеродным. Лучше: *только что упомянутая*. Есть у Петрарки и volabile tempus (I, 15) – *«текущее время»,* и volabilia facta (I, 112) – *«текущие дела»,* которые уместнее передать *«быстро бегущее время» и «повседневные дела»*.

Остановимся и на проблеме перевода реалий. Следует ли оставить их латинские названия и дать к ним комментарий или же перевести их на русский язык? Думается, в каждом отдельном случае это нужно решать индивидуально. Например, в русском языке «стимул» – это «побудительная причина». Но вот читаем диалог II, 100: **Печаль**. Ingenio segni sum – *«У меня медлительный ум»*. **Разум**. Quod equis segnibus fieri solet, stimulos adhibe – *«А ты примени стимулы, что обычно делают по отношению к медлительным лошадям»*. Латинский словарь указывает, что stimulus означает *стрекало*. В современном словаре русского языка такого слова нет. Словарь

Даля поясняет: «стрекало» – *бодец*, а «бодец» – *орудие для удара тычком*. Значит, стрекало – это то, чем подгоняют коня. Поэтому допустимо перевести его словом «кнут» и не загромождать текст примечанием.

По-иному нужно отнестись к слову triclinium – *обеденное ложе для трех лиц.* В этом случае предпочтительнее оставить его латинское название и объяснить в примечании, что римляне обедали лежа, для чего и предназначался триклиниум.

Из сказанного можно сделать вывод, что при переводе иноязычного текста при всем стремлении к точности существуют определенные границы переводимости, и переводчик должен принимать во внимание, что одно и то же слово в разных языках может иметь иную эмоциональную насыщенность и вызывать иные ассоциации. При всем этом очень важно, чтобы отдельные отклонения от подлинника не исказили стиль автора.

* Автор статьи Лукьянова Лариса Михайловна – выпускница отделения классической филологии Санкт-Петербургского университета, ученица профессоров Я. М. Боровского, А. И. Доватура, Марии Ефимовны Сергеенко. По распределению уехала в Саратов, где с тех пор по настоящее время работает доцентом кафедры русской и зарубежной литературы в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского. Л. М. Лукьянова – автор учебника по латинскому языку, имевшего большой успех и удостоенного переиздания, в университете вела занятия по древним языкам на историческом факультете, воспитала доктора наук Н. И. Девятайкину. С 1996 года Л. М. Лукьянова успешно занимается переводом латинских сочинений Франческо Петрарки. По итогам занятий выпустила две книги комментариев, разнообразных по тематике томов. Одну в 1998 году: «Франческо Петрарка. Сочинения философские и полемические», включившую трактат «Об уединенной жизни», избранные диалоги «О средствах против превратностей судьбы», «Инвективы против врача», «Инвективы против некоего человека высокого положения, но малой учености и добродетели», «О невежестве своем собственном и многих других», «Инвектива против того, кто хулит Италию» и биографическое сочинение Боккаччо «О жизни и нравах господина Франческо Петрарки из Флоренции». Вторая книга – обширный том, содержащий все диалоги «О средствах против превратностей судьбы», изданный при поддержке Итальянского института культуры в Москве в 2016 году. Книгу в помощь изнемогающей от превратностей судьбы человеческой природе («De remediis utriusque fortunae») переводчик, тонкий знаток латинского языка и возможностей его перевода, снабдила вступительной статьей «О принципах перевода философской прозы Петрарки», которую мы предлагаем здесь для ориентировки читателей об авторе предисловий к русским изданиям переводов латинских сочинений Петрарки Л. М. Лукьяновой.

Доктор филол. наук, проф. ПетрГУ Т. Г. Мальчукова

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Римской цифрой обозначен номер книги, арабской – номер диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боккаччо Дж. О жизни и нравах господина Франческо Петрарки из Флоренции // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические / Сост., перевод, коммент., указатели Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой; Вступит. ст. Н. И. Девятайкиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 393–400.
2. Петрарка Ф. Об уединенной жизни // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические / Составление, перевод, комментарии, указатели Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой; Вступит. статья Н. И. Девятайкиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 61–127.

Luk'yanova L. M., Chernyshevsky National Research State University
(Saratov, Russian Federation)

ON PETRARCH'S PHILOSOPHICAL PROSE PRINCIPLES OF TRANSLATION

The Francesco Petrarch's philosophical prose written in Latin is practically unknown to the Russian reader. The Italian humanist wrote six philosophical treatises, several invectives, and a huge number of letters. The biggest in volume composition is a treatise "Means against the Vicissitude of Life". The article deals with the problems of its translation from Latin into Russian. By its style the work is referred to a literary text; therefore, a translation should be carried out with deep consideration of its original flavor. Any translation of the foreign-language text has its certain limits of convertibility. It should be considered that one and the same word in different languages can have different emotional saturation and cause other associations. The author of the article pays special attention to the translation of synonymic ranks, word-plays, specific syntactic designs (gomeoteleutus), and to the problem of Latin realities' transfer.

Key words: Petrarch, translation, philosophical prose

REFERENCES

1. Bokkachcho Dzh. About life and customs of mister Francesco Petrarch from Florence [O zhizni i nravakh gospodina Franchesko Petrarki iz Florentsii]. *Petrarka F. Sochineniya filosofskie i polemicheskie*. Moscow, 1998. P. 393–400.
2. Petrarka F. About lonely life [Ob uedinennoy zhizni]. *Petrarka F. Sochineniya filosofskie i polemicheskie.* Moscow, 1998. P. 61–127.

Поступила в редакцию 10.01.2017